

HISTORIA MORBI: “ОБЛОМОВ” И.А. ГОНЧАРОВА – “ЧЕРНЫЙ МОНАХ” А.П. ЧЕХОВА

© 2004 С.А. Ларин

Воронежский государственный университет

Сразу обращает на себя внимание то, что сюжеты “Черного монаха” и “Обломова” представляют собой историю болезни главного героя, которая прослеживается в повествовании от момента ее возникновения вплоть до смерти персонажа. И если повесть Чехова, учитывая специфику жанра, открывается непосредственно словами, говорящими о расстроенном здоровье главного героя, то в романе Гончарова болезнь появляется уже во 2 главе 1 части и включается в характеристику Ильи Ильича.

Отметим, что близость данных произведений проявляется также в особом, как будто бы несерьезном тоне, которым сообщается о болезни героев. Так, в “Черном монахе” читаем: “Андрей Васильич Коврин, магистр, утомился и расстроил себе нервы. Он не лечился, но как-то вскользь, за бутылкой вина, поговорил с приятелем доктором, и тот посоветовал ему провести весну и лето в деревне” [С., VIII, 226]. В романе Гончарова серьезность предупреждения доктора – “умрете ударом” [2, 67] – нейтрализуется шутивным изображением обломовских недугов и рассказом о симуляции Ильей Ильичем болезни.

Разделение людей на особых, “избранных”, и обыкновенных, “стадных”, противопоставление, мотивированное болезнью Коврина, его манией величия, в особом ракурсе присутствует и в романе Гончарова и выражается в нежелании Обломова “равнять себя с “другими» [2, 74].

Характеристики, которые определяют “других” в “Обломове” (постоянное движение, “раздробленность”, пустота, противоположные “цельности”, целостности главного героя¹), могут быть отнесены и к обыкновенному, стадному человеку в повести Чехова. (Вспомним замечание повество-

вателя об особенном способе передвижения Песоцкого и его дочери, которые “ходили так быстро, что за ними трудно было поспеть” [С., VIII, 230].) Кроме того, “обыкновенного”, “другого” отличает особое, почти болезненное стремление к материальным ценностям (деньгам и чинам), а значит, к сиюминутному, земному. “Гостям” Обломова, Тарантьеву и Мухоярову, не уступает в этом отношении Егор Семенович Песоцкий, симптоматично называвший некоммерческую, декоративную часть своего сада “пустяками”.

Еще одним общим для данных героев признаком является их равнодушие, отстраненность от чужих проблем. Песоцкий прячется от мира в своей надежной раковине – заботе о саде, принося в жертву саду не только собственную жизнь, но и жизнь близких. В мире “других” “Обломова” отношения строятся исключительно на основе выгоды (характерный пример – “законное дело” Тарантьева и Мухоярова).

Обломов Гончарова и Коврин Чехова – герои, противостоящие мелочности и “приземленности” людей “обыкновенных”. Характерно, что болезнь в “Обломове”, как и “Черном монахе”, выступает своеобразным указанием на особое положение, исключительность героя. “Разве у меня такое здоровье, как у этих “других”?” [2, 74] – говорит о себе Илья Ильич. “Хочешь быть здоров и нормален, иди в стадо” [С., VIII, 243], – высказывает ту же мысль черный монах только в более категоричной форме.

При всей непримиримости представителей двух лагерей, олицетворяющих различные жизненные позиции, писатели, однако, не показывают жесткого противопоставления, противостояния героев². Так, Штольц у Гончарова имеет

¹ См.: Фаустов А. А. Роман И. А. Гончарова “Обломов”: Художественная структура и концепция человека: дис... канд. филол. наук / А. А. Фаустов. – Тарту, 1990.

² О сходстве художественных принципов изображения у писателей см.: Гузь Н. А. Способы выражения авторской позиции Гончарова и Чехова (На материале романа “Обломов” и повести “Три года”) / Н. А. Гузь // А. П. Чехов:

двойственный статус: принадлежа к миру "других" по своему образу жизни и стремлениям, он в то же время находится в сфере "особого" героя – Обломова. Противопоставления Коврина Песоцким на уровне сознания героев вообще не происходит: Егор Семенович рассматривает бывшего воспитанника как единственного преемника и продолжателя своего дела.

И только сюжет чеховской повести демонстрирует очевидное отличие, противопоставленность героев. Изгнанием черного монаха завершается "противостояние" между ним и Таней Песоцкой. Коврин находится как бы между двумя полюсами, каждый из которых стремится захватить героя, овладеть им. Движение сюжета – чередование встреч Коврина с Таней и с черным монахом. При этом Андрей Васильич не может одновременно вступать в контакт с героями, олицетворяющими в повести разные начала, он в состоянии постоянного выбора между ними³. Наиболее ярко это показано в эпизоде, повествующем о появлении черного монаха "во время обеда". Предпочтения героя вполне определены: "...Егор Семенович и Таня <...> слушали и весело улыбались, не подозревая, что Коврин говорит не с ними, а со своей галлюцинацией" [С., VIII, 247].

В романе Гончарова главный герой также оказывается перед выбором: поддаться обаянию и настойчивым требованиям Ольги и Штольца изменить свою жизнь (что для Ильи Ильича значит расстаться с "поэтическим идеалом") – или сохранить прежний, так называемый обломовский, уклад, олицетворением и своеобразным хранителем которого выступает Захар.

Мы видим, что Гончаров и Чехов строят сюжет своих произведений по схожей модели: они ставят героя в ситуацию выбора. При этом в качестве своеобразного искусителя, функция которого – отвлечь, заставить уклониться от избранного пути, оказывается женщина, некоторое время являющаяся возлюбленной героя.

Определенным авторским намеком, позволяющим рассматривать историю взаимоотношений Коврина и Тани как своеобразную параллель "поэме любви" Обломова и Ольги Ильинской, выступает слово "ошибка", которым главный герой "Черного монаха" называет свою женитьбу на Песоцкой. Ошибка⁴ – ведущий мотив любовной линии Обломов-Ольга. Появляясь впервые в размышлениях героини и обозначая сомнения в правильности сделанного выбора, это слово прогнозирует последующие события, "программирует" сюжет. Постоянные сомнения (а для Ильи Ильича это становится еще средством защиты своего "покоя") приводят в конечном счете к тому, что герои расстаются, признав, что их любовь была лишь "ошибкой". Похожую ситуацию мы видим и в "Черном монахе". Но прозрение героев наступает уже после того, как они "переходят тот Рубикон", перед которым останавливаются Обломов и Ольга⁵.

Некоторые детали в изображении Коврина и его взаимоотношений с Таней позволяют предположить сознательную ориентацию Чехова при создании своего героя на образ гончаровского Обломова. Так, и Коврин, и Обломов оказываются "жертвами"⁶ своих расчетливых подруг: Ольга и Таня заранее уверены в том, что выйдут замуж за своих избранников (ср. 2, 223 и С., VIII, 245), и расстаются с ними, как только те перестают играть отведенную им роль. Оба героя не обретают счастья с возлюбленными (которые любят не их, а свою мечту), и каждый заканчивает свою жизнь с женщиной, заботящейся о нем, как о ребенке [3, 306].

Общей для двух произведений является и та роль, которую играет музыка: Коврин "изнемогает" от музыки подобно Обломову. Особое, магическое действие на героев оказывает женский голос, голос будущей возлюбленной, вызывающий к жизни "неведомые", разрушительные силы.

Обломов не долго может играть "роль влюбленного мальчика" [2, 249], следовать законам

(Проблемы жанра и стиля). Ростов-на-Дону, 1986. – С. 40-51; Зайцева Т. Б. А. П. Чехов и И. А. Гончаров: проблемы поэтики: автореф. дис... канд. филол. наук / Т. Б. Зайцева. – СПб, 1996. – 18 с.

³ Призывание Ковриным Тани в конце повести во время последнего появления черного монаха в данном контексте может быть истолковано как отчаянная попытка героя спасти свою жизнь.

⁴ Это слово используется в романе Гончарова для характеристики отношений Обломова и Ольги более 40 раз.

⁵ Появление одного из ключевых мотивов "Обломова" в повести Чехова призвано, вероятно, напомнить читателю ситуацию из гончаровского романа для того, чтобы более рельефно очертить образы героев "Черного монаха". Кроме того, оно может также рассматриваться как один из примеров скрытой, косвенной оценки писателем изображаемых событий.

⁶ Расставание с возлюбленными губительно для обоих героев. Обломов прямо говорит об этом Ольге, "предупреждает" ее: "Не уходи: помни, что если ты уйдешь – я мертвый человек!" [2, 221].

мира “других”, разрыв с Ольгой и вызванная им болезнь “переводит” героя в прежнее состояние. А согласившийся на лечение и признавший себя больным Коврин отказывается от “избранничества” и идет “в стадо”. Не случайно фамилия “оппонентов” черного монаха – Песоцкие. Учитывая большое количество цитат и реминисценций из Библии, образующих особый смысловой уровень в повести Чехова, представляется правомерным рассматривать данную фамилию в связи с библейским образом “песка”, который передает идею множественности (“...сделаю потомство, как песок земной...” [Бытие: 13, 16]).

Любопытно, что символический “постриг” герой принимает при вступлении на территорию обыкновенных, стадных людей Песоцких [4, 37]. “Изгнание” черного монаха и приобретение внешних признаков “монашества” (отсутствующих ранее у Коврина в отличие от Тани⁷ с ее “черными” бровями, “бледностью”⁸ и “худобой”⁹) изменяет не только образ жизни, но и образ мыслей¹⁰ Андрея Васильича, превращая его из свободного творца (не случайно в диалогах он равен черному монаху) в “подражателя”, “посредственного ученого” [С., VIII, 256].

Мания величия, которую символизирует черный монах, обозначает фиксацию героя на идее замкнутости, закрытости. Подобную семантику данного термина мы обнаруживаем уже в раннем рассказе Чехова, который в своем названии содержит упоминание данной болезни – “Случаи *mania grandiosa*” (“Осколки”, 1883, № 4). Несмотря на шуточный тон повествователя, все три случая мании величия (кроме общего для героев стремления реализовывать какую-либо свою идею) объединяются также мотивом закрытости-замкнутости. Явно данный мотив проступает во втором из описанных примеров,

в котором герой стремится ограничить свободу других, реализуя формулу “А посиди-ка, братец!” [2, 21].

Любопытно, что главный герой повести Чехова “Палата № 6”, своего рода предшественницы “Черного монаха”, Андрей Ефимович Рагин, собиравшись, по словам повествователя, “постричься” “в священники” [С., VIII, 82], и только запрет отца не позволил ему сделать этого. В другом программном произведении Чехова, включенном в “футлярную” трилогию, рассказе “Крыжовник”, Чимша-Гималайский симптоматично называет стремление интеллигенции переселиться в усадьбы, уйти “из города, от борьбы, от житейского шума” эгоизмом, ленью, “своего рода монашеством, но монашеством без подвига” [С., X, 58].

Черный монах в повести несет идею отгороженности, отстраненности, замкнутости, близкую к культурно-христианской традиции, актуальной для Чехова¹¹. Не случайно в легенде он странник, блуждающий во Вселенной. Те, кто попадает под влияние черного монаха, становятся носителями идей, отклоняющих их к полюсу индивидуализма. Печать “черного монашества” лежит на всех героях повести. Если связь между Ковриным и черным монахом показана автором явно, то другие герои, на первый взгляд не имеющие ничего общего с ним, оказываются заражены более тяжелой формой болезни, символизируемой черным монахом. Однако только Коврина “прощает” автор, даруя ему “счастливую” смерть, которая становится для него успокоением.

Указание на близость Егора Семеновича к идеям, носителем которых выступает черный монах, можно увидеть в характерном для него противопоставлении мужского (дела) – женско-

⁷ На сходство в описании Тани и черного монаха указывают: Семанова М. Л. О поэтике “Черного монаха” А. П. Чехова / М. Л. Семанова // Художественный метод А. П. Чехова. – Ростов-на-Дону, – 1982. – С. 65; Кожевникова Н. А. Язык и композиция произведений А. П. Чехова / Н. А. Кожевникова. – Н. Новгород, 1999. – С. 51-52, 60.

⁸ Эпитет, который “переходит” к герою после его “выздоровления” (см. С., VIII, 250).

⁹ Данные атрибуты для несущих смерть героев “заимствованы”, по-видимому, из “Откровения Иоанна Богослова” [6: 8] и книги “Бытия” [41: 17-21]. Показательно, что семантика смерти делает их “взаимозаменяемыми”: определение Тани “тощая” [8, 402] (журнал “Артист” 1894 № 33) Чехов в последующих публикациях повести изменит на “бледная” [8, 240]. Одной из причин этого, вероятно, является “несоответствие” между “агрессивной” семантикой, которой обладало слово в “первоисточнике” (“...и съели тощие и худые коровы прежних семь коров тучных” [Бытие 41: 20] и эпизодом повести, объясняющим, почему “нравилась” герою “бледная, слабая, несчастная Таня” [С., VIII, 240].

¹⁰ “То, что в предшествующих главах характеризовало Песоцких (в 8 главе. – С. Л.), начинает характеризовать Коврина, которому приписываются признаки Песоцкого и Тани” (Кожевникова Н. А. Язык и композиция... С. 66 и сл.).

¹¹ См. письма к А. С. Суворину от 19.05.1892 г., 18.10.1892 г., к Н. М. Линтваревой от 20.06.1892 г., к В. А. Гольцеву от 15.06.1893 г. В одном из них Чехов объяснит свое тяготение к монашеству склонностью “к затворничеству” [П. 5, 69].

му. Достаточно двусмысленно звучат слова Песоцкого: "В нашем деле бабы – бич Божий" [С., VIII, 237]. Эти слова гармоничны не столько для садовода, сколько для монаха-отшельника. (Не забудем, что сам Егор Семенович живет с одной дочерью, замужество которой очень тяжело переживает, и в повести о его жене даже не упоминается.)

Можно сказать, что Таня Песоцкая в наибольшей степени подвержена болезни самолюбования, эгоизму. Героиня все время думает только о себе ("...у нас неинтересные знакомые..." [С., VIII, 230], "...он мне <...> испортил всю жизнь..." [С., VIII, 240] и др.), при этом она не имеет собственных интересов, увлечений (садом Таня занимается по инерции). Даже замужество – попытка извлечь определенную выгоду, разнообразить свою жизнь, сделать ее "интересной" ("...я приняла тебя за гения, – пишет она в письме Коврину, – я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим..." [С., VIII, 255]¹²; ранее "...вы мужчина, живете уже своею интересною жизнью, вы величина..." [С., VIII, 228]).

И если Егор Семенович умирает, чем в некоторой степени сближается с Ковриным (попадая под луч авторского прощения), то сама Таня остается жить, отягощенная "ненавистью", а следовательно, обреченная на мучения: "Я ненавижу тебя всею моею душой и желаю, чтобы ты скорее погиб. О, как я страдаю! Мою душу жжет невыносимая боль..." [С., VIII, 255].

Связь болезни с мотивом закрытости-замкнутости характерна и для романа Гончарова и обнаруживается в различных точках повествования. Напомним, что в качестве своеобразного

лекарства и Обломову, и Коврину предлагается уехать. Причем в повести Чехова данный мотив усилен тем, что и выздоровевшему герою, так же как и больному, доктор "приказывает ехать в деревню" [С., VIII, 250].

Любопытно, что образ монаха присутствует и в "Обломове" и появляется в эпизоде, характеризующем особый, замкнутый образ жизни главного героя. Показательно, что в том же контексте присутствует и мотив смерти. Так, про Обломова говорится, что "он тихо и постепенно укладывался в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отворачиваясь от жизни, копают себе могилу" [2, 368].

Обнаруженные параллели между "Черным монахом" и "Обломовым" позволяют рассматривать роман Гончарова как один из возможных "источников" "едва ли не самого загадочного" (Е. Сахарова) произведения Чехова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. – тт. 1–30. – М., 1974–1983.
2. Гончаров И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – Л., 1987.
3. Кубасов А. В. Проза А. П. Чехова: искусство стилизации / А. В. Кубасов. – Екатеринбург, 1998.
4. Гореликова М. И. Семантические оппозиции в поэтике позднего Чехова: реальное – ирреальное, идол – идолопоклонник (анализ повести "Черный монах") / М. И. Гореликова // Филологические науки. – 1991. – № 5.

¹² Своеобразным комментарием к данной ситуации могут служить слова Чехова в письме от 28 февраля 1895 г., адресованном Е. М. Шавровой: "Нехорошо, если жена бежит от больного мужа, ссылаясь на то, что болезнь заразная или скверная" [П. 6, 30].